

Т. Богданович

Старый и новый город

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т. Богданович**
Старый и новый город / Т. Богданович – М.: Книга по Требованию, 2020. –
172 с.

ISBN 978-5-458-52396-7

Научно-популярный исторический очерк о прошлом Москвы и её современном (на конец 1920-х) состоянии.

ISBN 978-5-458-52396-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мысль раскопать это место, посмотреть, правда ли, что там был город и какой он был.

Начали копать, раскопали пепел твердый, как камень. Там как будто черепичная площадка! — это оказалась плоская крыша. Там какая-то башенка! Какая это была радость. Значит, правда, под землей город или хоть остатки его. Работали, работали, и вот точно чудом встал из под земли целый город — с улицами, с площадями, с домами. Даже мебель в домах, даже картины на стенах, даже посуда сохранилась, точно в подземном музее.

Теперь мы можем ходить по тем самым улицам, заходить в те самые дома, где две тысячи лет назад жили, работали, веселились люди. И город оказался совсем не похожим на теперешние города.

Но в нашей стране таких подземных городов нет. Как же нам быть, если хочется узнать, каким был наш город не то что две тысячи, а хоть двести лет назад?

Мы хорошо знаем, что и Москва, и Псков, и Новгород были на тех же местах, как теперь и двести, и триста лет назад. Но ведь их не раскопаешь, чтоб посмотреть, какие они были тогда.

А между тем, и тут можно делать раскопки — только не в земле, а другие раскопки, — в библиотеках, в архивах, в музеях, где сохранились следы прошлой жизни.

Там хранятся старинные вещи, принадлежавшие людям, жившим в прежние времена. Хранятся их

письма, их просьбы, их жалобы, их торговые условия, их судебные дела, рассказы путешественников того времени.

Если покопаться во всем этом, можно представить себе, как жили в своем городе люди в давние времена, что носили, что ели, какие у них были дома, какие улицы.

Можно из таких раскопок узнать и многое другое про их жизнь — какое тогда было управление, какие войны, какое образование. Но мы сейчас заговорили о городе. Такой ли он был прежде, как теперь?

Попробуем покопаться, попробуем представить себе, каким был один из теперешних городов двести-триста лет тому назад, и сравним его с теперешним. Так ли там шла жизнь, как теперь.

Ни в одном городе не является так часто желание заглянуть в прошлое, как в Москве. В Москве на каждом шагу что-нибудь напоминает о прошлом. Тут стена, там старые ворота. Там площадь называется воротами, хотя никаких ворот нет.

Что это был за город, весь перегороженный валами и стенами?

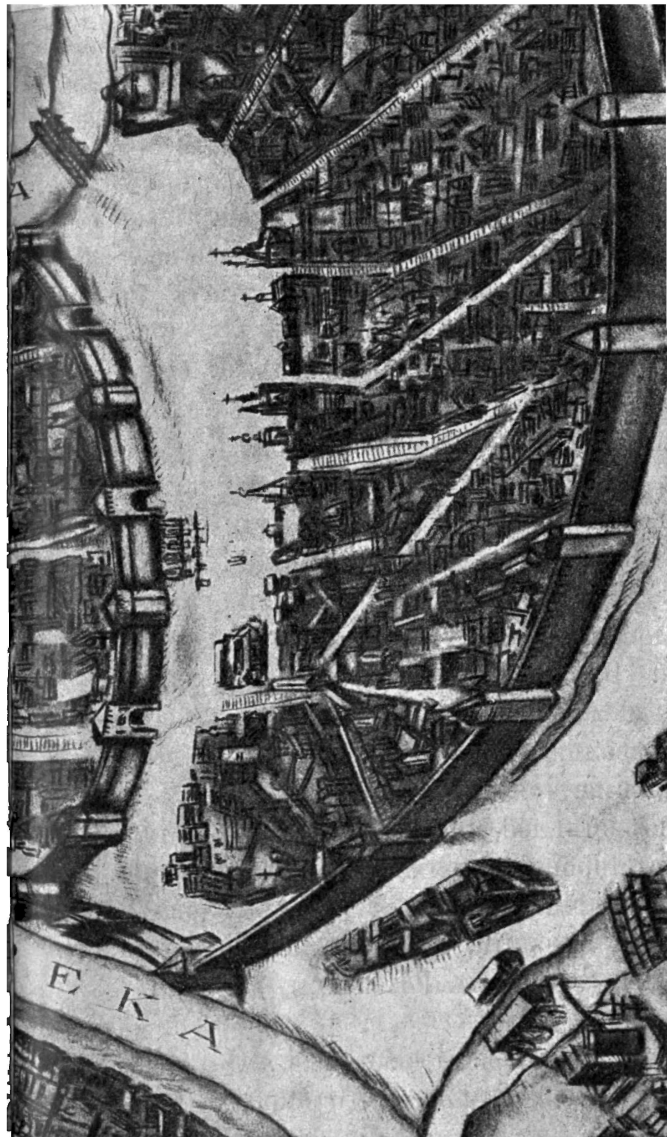
Князь Чарторыйский по дороге в Москву.

Двести пятьдесят лет тому назад из города Седлеца выезжало в Москву торжественное польское посольство: два посла — волынский воевода князь Михаил Чарторыйский и литовский воевода, князь Ян Сзапга, а с ними многочисленная свита, дворня и охрана.

Князь Чарторыйский в карете с итальянским доктором. В другой карете — католический священник, исповедник князя. Дальше, тоже в каретах, знатные польские вельможи. За ними дворецкие, конюшие, трубачи, спальники, буфетчики, кучера с запасными лошадьми, цырюльники, многочисленные слуги. Даже пекарей, прачек, портных, сапожников, столяров, плотников послы везли с собой. Наконец, в хвосте ехали рослые гайдуки для охраны самого князя и целый отряд драгун для защиты посольства на случай нападения разбойников.

Много было разных задержек и остановок, пока ехали польскими землями. Наконец, 3-го апреля добрались до границы России. Тогда ее называли Московией. Недалеко от границы был город Смоленск. До Москвы оставалось теперь не больше четырехсот верст.

Часть Сицзмундовского плана старой Москвы 1610-го года.

Вверху между реками Москвой и Неглинной окруженный стенами Кремль. Ниже под кремлевскими стенами Красная площадь. Посреди площади храм Василия Блаженного и перед ним Лосное место. Вправо от площади Неглинные ворота и мост через реку Неглинную. Ниже торговые ряды и прямикающий к ним Китай город, окруженный стенами. Кремль и Китай город опоясаны Белым городом, часть которого видна на плаге внизу и в правом верхнем углу. В левом углу видна река Яуза, впадающая в Москву реку; на реке мельница, а на берегу у моста баня. Слева за Москвой рекой видно начало Стрелецкой слободы.

Широко разлилась пограничная речка Березовка. Бесконечный караван еле перебрался через нее в брод.

Дальше было не лучше. От дождей дороги совсем развезло. В дремучих топких лесах приходилось в одну повозку впрягать по многу лошадей. Передняя повозка так и загрузла в топи, вытащить ее не удалось. Пришлось бросить в грязи, вынудив поклажу.

Посольство попало в самую ростепель. В сухую погоду по такой дороге можно было проехать. От росеной грязи оставались только выбоины, ухабы да густая пыль. На такие пустяки тогда никто не обращал внимания. Но попадались в пути болота. По ним ни в какую погоду проезда не было.

На целые версты москвитяне замостили их гатями: срубили по краям дороги деревья и навалили толстые бревна. Кареты бултыхались с бревна на бревно. Иногда гнилое бревно ломалось, и передние колеса проваливались. С великим трудом вытаскивали экипаж из трясины.

Ехать было истинное мученье. Человека мотало из стороны в сторону, встряхивало, подбрасывало. Соседи валились друг на друга, стучались головами, а когда пытались говорить, прикусывали себе языки.

— Ото дьяволы московиты! Пшекляты дороги! — ругались поляки.

Сиятельного князя совсем растрясло. Он вылез из кареты и велел гайдукам нести его в кресле. Вель-

возможные паны тоже не вытерпели и предпочли идти за ним пешком, перескакивая с бревна на бревно.

За день по такой дороге пробирались не больше десяти-пятнадцати верст. Ночью ехать и думать было нечего. Приходилось ночевать где-нибудь на поляне под открытым небом, разложив кругом костры.

Попадались иногда по пути городок или село. Но ночевка выходила немногим лучше.

Послам отводили домик попросторней, а свита размещалась по избам. Избы все тогда топились по черному, то есть без труб. Дым наполнял всю избу и выходил из окон и дверей. Но дым меньше пугал поляков, чем насекомые. Их у москвитов было видимо-невидимо в каждом доме.

— Тут спать никак не можно, — жаловались поляки. — Эти собаки москвиты, верно, нарочно на нас всякую тварь напускают.

Наутро они показывали хозяину искусанные руки и лица и спрашивали его, кто оставляет такие некрасивые знаки — блохи или клопы?

Но хозяин объяснял, что это особые насекомые, они гнездятся по щелям бревен. Зовут их тараканы — полякам слышалось караканы. — Своих тараканы не трогают, а чужих тревожат не мало!

Потом поляков научили класть в избе по углам корки хлеба, тогда тараканы их меньше обижали.

Четыреста верст от Смоленска до Москвы важные польские послы ехали сорок дней, с 4-го апреля по

14-ое мая, ехали по непролазной грязи, по кочкам и бревнам. Ночевали под открытым небом или в курных избах, с клопами и тараканами.

Перед Москвой за семь верст послы остановились на два дня.

Надо было отдышаться после тряски, счистить с себя дорожную грязь, разодеться и въехать в Москву в полном параде.

Въезд поляки устроили очень торжественный.

Впереди ехало пятьсот телег с посольской кладью, за ними повозки тройками и четвернями с членами свиты. Потом шестернями десять повозок, обтянутых желтым и красным сукном, нагруженные коврами, комнатными вещами и одеждой послов. Затем отряд драгун с трубачами и литаврщиками в красных мундирах, с золотой бахромой. Потом раззолоченная карета литовского воеводы с шестью лошадьми в золотой сбруе с красными лентами. За ней восемнадцать лошадей под богатыми седлами, украшенными сапфирами и другими драгоценными камнями. Три трубача в ярко желтых бархатных кафтанах непрерывно трубили, возвещая о приезде послов.

Наконец, в раззолоченной карете, обитой внутри красным атласом, ехали оба посла. Карету везли шесть лошадей в золотой сбруе с белыми султанами на головах. С двух сторон шли по шесть гайдуков в ярко красной с серебром одежде и двадцать четыре спальника, тоже все в красном. Шествие замыкало триста слуг и отряд телохранителей.

Московиты также не хотели ударить лицом в грязь перед поляками. Они устроили не менее пышную встречу.

Впереди скакал воинский отряд на белых конях в длинных красных кафтанах. Над плечами у всадников поднимались пестро расписанные крылья, а в руках были пики с золотыми драконами наверху. Потом ехали спальники в длинных красных ферязях (шубах) на меху, с жемчужными ожерельями на шеях и золотыми цепочками на груди. Лошади их тоже были увешаны золотыми цепочками, а над копытами прикреплены были серебряные колокольчики. Вся эта сбруя звенела и брэнчала, когда всадники, показывая свое искусство, заставляли лошадей выделявать довольно неуклюжие прыжки.

За спальниками в царской золотой карете ехал ближний царский боярин, князь Мышецкий. Поровнявшись с послами, он остановил шествие. Остановились и поляки. И князь Мышецкий, и послы вышли из карет, и Мышецкий с поклонами и приветами предложил полякам занять место в царской карете.

Забили барабаны, заиграли трубы, и шествие направилось к городским воротам. Тысячные толпы москвичей высыпали на дорогу полюбоваться невиданным великолепным зрелищем. Вдруг перед самыми воротами произошла заминка. Царские слуги заспорили с поляками, в каком порядке ехать.

Спор перешел в брань, крик, потасовку. Ни те, ни другие не уступали. Все торжественное шествие

остановилось. Пришлось посылать гонца к самому царю, спрашивать, как он пожелает ехать. Он повелел, чтобы ехали по трое в ряд — в одном ряду два москвиты, а посредине поляк, в другом — два поляка, а посредине москвит.

Это казалось тогда очень важным. Три часа простояло все шествие посреди дороги, ожидая гонца. Наконец размесгились, как царь приказал, и к вечеру посольство вступило в Москву.

В пути оно пробыло три месяца с лишним, а проехало за это время всего восемьсот восемьдесят верст.
